

«КАК ВЕСТИ СЕБЯ В СВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ?»

— Никита Владимирович, премного наслышаны о вашей дворянской родословной. Ваш отец был камергером?

— Не отец, а дед. Кстати, с большим юмором человек был, невзирая на свой высокий статус. Обычно высокое положение отбивает охоту шутить.

— Значит, по части юмора вы в дедушку? И слон ваше музыкальное ухо в детстве обошел?

— Мать пианисткой была — вот и обошел, хорошей пианисткой. Сам я за инструмент попал в довольно раннем возрасте, года в три примерно. Ну и, естественно, возненавидел его до чрезвычайности. Впрочем, до любви от ненависти, как известно, один шаг.

— Еще Бетховен в детстве люто ненавидел рояль.

— Вот именно. Только из Бетховена получился Бетховен, а из меня...

— ...Богословский.

— Богословский (не без грусти). Видимо, недостаточно люто ненавидел этот самый рояль.

— Судя по тому, что был в вашей жизни великий композитор Александр Константинович Глазунов, у которого вы учились, были в вашей жизни и Шестые симфонии и Третьи концерты.

— А как же. Это сейчас композитор тот, кто три аккорда знает. Тогда с этим было сложнее.

— А как вам нынешнее состояние эстрады?

— Кто-то мне симпатичен, кто-то нет.

— Титомир, например, вам как?

— Это, что называется, по ту сторону добра и зла. Но есть и замечательные мастера: Кобзон, Пугачева, Байкуле, Малехик, Гребенщиков, Николаев, Матецкий, Шевчук.

— «Кукушку» вы писали специально для Пугачевой?

— «Кукушку» я писал специально для Кобзона. Но у него она не пошла. А через какое-то время всплыла у Пугачевой. Правда, в довольно своеобразной интерпретации.

— Никита Владимирович, вы общались с такими выдающимися людьми, как Зоценко, Утесов, Бернес. Какие воспоминания у вас они оставили?

— Зоценко, например, был очень печальным, погруженным в себя человеком. В компаниях он больше молчал. Но сколько стояло за этим молчанием! Иной человек молчит, и понимаешь: молчит, потому что дурак. А бывает такое молчание, которое содержательнее любой самой остроумной речи. Вот у Зоценко было такое молчание... Он подарил мне книгу, в которой я обнаружил следующую сделанную им надпись: «О мои грустные опыты! И зачем я хотел все знать? Теперь я не умру так спокойно, как надеялся». Как много это говорит о человеке.

— Вот мы заговорили о Зоценко, и в связи с этим скажите, какие у вас представления об интеллигентном человеке вообще? И что, по-вашему, означает это слово «интеллигентность»?

— По-моему, интеллигентность — это своеобразный талант. Этому нельзя научить человека, с этим нужно родиться. И никакие высшие учебные заведения не помогут вам стать интеллигентным человеком, если у вас этого нет от природы. Я, например, знаю замечательно интеллигентных людей, которые выше церковно-приходской школы в своем образовании не поднимались. Однако насколько они глубоки, тактичны и человечны. Мне кажется, что интеллигентность подразумевает не только какую-то систему знаний, навыков, умение себя вести в обществе. Интеллигентность подразумевает еще их любовь к людям. И это, на мой взгляд, главное.

— Никита Владимирович, вы всегда славилесь своими остроумными розыгрышами, выходами...

— Знаете, когда вас окружают такие люди, как Бернес, Утесов, Эрдман, Светлов, Олеша, вести себя по-другому было просто смешно. Для этих людей не составляло никакого труда быть остроумными. Они не симулировали остроумие, они были им пронизаны. Это был стиль жизни, который не от Кардена и который ни у какого Кардена ни за какие деньги не купишь.

— Расскажите какой-нибудь забавный эпизод.

— Ну с Олешей был, например, такой случай. Выходит он из ресторана, веселый уже, конечно... А там адмирал какой-то стоит у входа, сверкает экипировкой. Юрий Карлович его за швейцара принял: «Швейцар, — говорит, — подайте мне такси». Тот возмущенно: «Я не швейцар, я — адмирал». Олеша: «Ну тогда — катер». Или Светлов, который в свое время занимался переводом татарских поэтов на русский и которому за это никак не хотели платить в издательстве... Так вот он поставил такой ультиматум: «Я этих с татарского на русский перевел, я их и обратно переведу, если не заплатите!» Что вы думаете? Заплатили.

— Никита Владимирович, будучи долгое время президентом «Общества советско-французской дружбы», теперь вы почетный президент Ассоциации друзей Франции, и вы общались со многими знаменитыми французами. Расскажите о них.

— У меня были очень хорошие отношения с Ивом Монтаном, Жаном Маре, композиторами Филипп Жераром, Мишелем Леграном и Франсисом Лемарком, и могу сказать совершенно определенно: эти люди великими себя никогда не считали. Как только человек «осознал» собственное величие, тем более творческий человек, так — все, конец. Пусть другие называют себя «великим», «гениальным» и т. д. Как только ты это сделаешь сам — ты кончился... Удивительно простые люди. Простые не в смысле примитивизма, как первый советский трактор, допустим. Простые в смысле доступности, доброжелательства к людям, им совершенно незнакомым. У меня до сих пор хранятся рисунки Жана Маре, которые он сделал мне на память.

— А с Эдит Пиаф не встречались?

— Вы знаете, в жизни она была лишь бледной тенью того, что являла собой на сцене. Вялая, почти не участвующая в разговорах, вечно с сигаретой. Но на сцене она преображалась. Это был абсолютно другой человек. Откуда бралась эта удивительная энергия, этот магнетизм, это полное подчинение зала своей воле? Не знаю, но так было. Я до сих пор считаю, что очень сильным моментом в фильме «17 мгновений весны» был эпизод, когда Штирлиц включает в машине приемник и оттуда несется одна из ее знаменитых песен (написанная, кстати, после времени действия фильма).

— Давайте все же перенесемся от берегов Сены к берегам Москвы-реки. Вы ведь тоже писали хорошую музыку. «Любимый город», «Темную ночь», «Шаланды полные кефали», «Три года ты мне снилась» пели в свое время все.

— Песни эти писались без всякого расчета на то, чтобы стать шлягерами, как теперь выражаются. Просто как-то совпали они со временем, легли людям на сердце. Потом у них был такой исполнитель, который не мог не «спеть». Бернес очень трудно работал над песнями, многое у него поначалу не шло, он искал и не находил нужные интонации, мог позвонить в три ночи и спросить: «Никит, а как петь эту строчку?» Но наступал день — он приносил песню, и мы понимали, что лучше ее спеть невозможно.

— А каким Бернес был в жизни?

— Очень добрый, открытый, остроумный человек. Обаятельный очень. Последние годы были для него грустными. Он внул себе мысль, что умрет от рака, у него сестра до этого тоже от рака умерла и жена. Вы знаете, какой была его последняя песня? «Журавли» Френкеля. Мне кажется, в ней он с нами прощался.

— Никита Владимирович, из чего складывается ваш рабочий день? Чем занимаетесь в свободное время?

— Такой строгой градации на «свободное» и «несвободное» время у меня нет. Чем занимаюсь? Вот заметки пишу «На полях шляпы». Книгу издал — сатирический роман. Газеты читаю. Ну и, конечно, музыка, куда же без нее?

— А какие телепередачи вы смотрите?

— В основном, те, в которых участвую сам. Всегда интересно знать: вырежут ли тебя целиком или что-то оставят.

— В какие театры ходите?

— Я не хочу показаться пижомом, но я предпочитаю «Ленком». Наши академические театры. Малый, например, он для меня как музейная реликвия. Там хорошо посидеть на хороших старых креслах, подышать этим воздухом, но смотреть пьесы сегодняшнего репертуара не очень хочется.

— И последний вопрос. Что вы больше всего не любите в людях, Никита Владимирович?

— Хамство. Один известный литератор, кстати, большой хам и еще большая сволочь, однажды пустил книжку о том, как вести себя в светском обществе. Очень веселая книга. Особенно, если знать, кто ее автор.

— Люди, о которых вы рассказывали с такой любовью, уже ушли. Как вы ощущаете горечь этих утрат теперь, когда прошло уже столько лет?

— С годами острота переживания сглаживается. Но иногда мне кажется: вот сейчас откроется дверь, войдут эти люди и спросят: «Ну как ты живешь, Никита?»

— И что бы вы им ответили?

— Не знаю... Но не удивился бы.

Беседовали Александр КОГАН,
Елена ЗЕМСКОВА.